

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

ПЕРВАЯ КОСМИЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА

Сегодня термин «инициатива» в любой научно-технической сфере выглядит уже привычным, но и весьма современным – «лунная инициатива», «стратегическая оборонная инициатива», «компьютерная инициатива». Президент США выступил с инициативой возвращения американцев на Луну и полета на Марс. Россия в ответ заявила о своих возможностях в указанных направлениях. Проекты разрабатываются, обсуждаются, оцениваются... Но когда видишь, на каком не очень качественном уровне принимаются соответствующие решения в современной России – в общих фразах, без четкого разграничения ответственности, строгих алгоритмов и графиков реализации постановлений и распоряжений, – хочется воскликнуть: «Коллеги, посмотрите, как работали наши предшественники, которые, поставив задачу, смогли всего за несколько трудных послевоенных лет первыми запустить спутник, вывести человека в космос, создать такую космическую отрасль, которая, как ее ни зажимали, ни обрезали финансирование, ни бросали на произвол рыночной судьбы, и сегодня удерживает Россию в числе ведущих космических держав. Им тоже мешали ведомственная несогласованность, бюрократическая волокита, непонимание политиков, неустроенность... Но они сделали это!»

Эта книга – сборник прежде секретных и совершенно секретных государственных документов о первой советской космической инициативе, хотя таких слов не встретишь ни в одном из постановлений. Политически она охватывает период руководства Н. С. Хрущева, но для понимания истоков затрагивает и послевоенный период правления И. В. Сталина (см. документы №№ 1–4)¹, а чтобы логично закрыть данный отрезок истории космонавтики, немного продлевает его до завершения пилотируемой программы «Восход» и ухода из жизни С. П. Королева (док. №№ 109–126).

Конечно, и СССР, и США практически одновременно осуществляли свои космические программы. Сегодня трудно, да, наверное, и невозможно определить и обозначить бесспорную исходную точку отсчета практических космических программ обеих стран. О первой космической инициативе мы говорим здесь лишь в том смысле, что именно Советскому Союзу удалось

¹ Далее отсылка к соответствующему документу в данной книге будет делаться сокращенно: (док. №...).

сделать первые шаги в космос. Более того, до 1964 года включительно и даже в первой половине 1965 года СССР удавалось лидировать в космической гонке. Лишь в конце 1965 года, когда именно американские космические корабли «Джемини-6» и «Джемини-7» сумели осуществить маневрирование в космосе относительно друг друга, США смогли тоже заявить о себе «впервые», и период очевидного преимущества советской космонавтики завершился.

Таким образом, первая космическая инициатива – это рамочное определение совместных усилий конструкторов и ученых, военных, руководителей промышленности, государственного руководства СССР по созданию программы освоения космоса, превращению ее в конкретные проекты и осуществлению их на беспрецедентно высоком научно-техническом уровне, обеспечившем первый более чем семилетний период лидерства СССР в освоении космоса.

СТАРТ КОСМИЧЕСКОЙ ГОНКИ

Послевоенную эпоху СССР и США в своих исследовательских и технических поисках выхода в космическое пространство начали почти вровень.

В мае 1945 года оказавшийся в США Вернер фон Браун (Wernher von Braun) подготовил доклад для американской армии о возможности создания искусственного спутника Земли (ИСЗ). В октябре того же года Военно-морские силы (ВМС) США предложили свой вариант спутника. 9 апреля 1946 года Совместная комиссия армии и ВМС по авионавтике обсуждала идею спутника, но, не придя к определенным выводам, решила вернуться к проблеме через месяц, 14 мая. Немедленно генерал-майор Куртис Лемэй (Curtis LeMay), руководитель научно-исследовательского направления в Военно-воздушных силах (ВВС), решил провести независимое изучение вопроса. Три недели группа РЭНД (RAND), сформированная как подразделение компании «Дуглас Эйркрафт» (Douglas Aircraft Company, Inc.) занималась «мозговым штурмом», исследуя возможные применения спутников для ВВС США. Доклад РЭНД «Предварительный проект экспериментального орбитального космического корабля»¹ был готов 2 мая 1946 года (Report No. SM-11827).² В нем описывались метеорологические, разведывательные спутники и спутники связи. Следующий доклад, теперь уже «Рэнд Корпорэйшн», под названием «Использование спутников

для разведки» вышел в апреле 1951 года.¹ В сентябре 1954 года были сформулированы новые предложения Вернера фон Брауна по малому спутнику.² Впоследствии военные остановились на этом проекте в качестве кандидата в программу Международного геофизического года (МГГ), но потом отказались от него в пользу проекта «Авангард».

В начале 1945 года в Ракетном НИИ, созданном еще М. Н. Тухачевским в 1933 году, инженер-полковник М. К. Тихонравов организовал группу специалистов (Н. Г. Чернышев, В. А. Штоколов, П. И. Иванов, В. Н. Галковский, Г. М. Москаленко, А. Ф. Крутов и др.), поставив задачу разработать проект пилотируемого высотного ракетного аппарата (герметичной кабины с двумя пилотами) на базе одноступенчатой жидкостной ракеты с характеристиками, рассчитанными для полета на высоту 100–150 километров. К середине 1945 года проект высотной ракеты (ВР-190) был подготовлен. 23 марта 1946 года проект был направлен министру авиационной промышленности М. В. Хруничеву и 12 апреля рассмотрен экспертной комиссией министерства под председательством академика С. А. Христиановича. Положительное заключение комиссии передали на утверждение одному из заместителей министра, который положил его в долгий ящик.

Задержка была вызвана сугубо бюрократическими причинами. К тому времени уже был подготовлен проект Постановления Совета Министров СССР о создании Специального комитета по реактивной технике при Совете Министров СССР, в числе первоочередных задач которого назывались и работы по ракетной технике. Заместитель М. В. Хруничева всего лишь ожидал, что проект пилотируемого ракетного аппарата будет рассмотрен на более высоком уровне, в Специальном комитете по реактивной технике, где и будут приняты соответствующие решения. Постановление Совета Министров СССР о Специальном комитете было выпущено 13 мая 1946 года (док. № 1).

Тем временем слишком долгое ожидание ответа вынудило М. К. Тихонравова и Н. Г. Чернышева подать докладную записку о проекте ВР-190 И. В. Сталину. В записке указывалось не только на научную, но и на политическую значимость этой работы. Характерно, что в записке ни слова не говорилось о военном применении ракеты. И. В. Сталин дал поручение М. В. Хруничеву рассмотреть проект М. К. Тихонравова и Н. Г. Чернышева. М. В. Хруничеву не составило труда вспомнить и обнаружить положенный в долгий ящик его министерства документ. Он ставит его на вторичное обсуждение – теперь совместно со специалистами не только авиационной промышленности, но и Министерств вооружения и электропромышленности. 20 июня 1946 года М. В. Хруничев доклады-

¹ Experimental World-Circling Spaceship.

² Exploring the Unknown. Selected documents in the History of the U.S. Civil Space Program. Volume I: Organizing for Exploration. – J. M. Lodgson, Editor with L. J. Lear, J. Warren-Findley, R. A. Williamson, D. A. Day. – Washington D.C., NASA History Office, 1995 (далее – ExUn-I), p. 236–244.

¹ Ibid, p. 245–261.

² Ibid, p. 274–281.

вает И. В. Сталину о возможности создания пилотируемой космической ракеты (док. № 2) и даже прилагает проект постановления Совета Министров СССР по этому вопросу. И. В. Сталин, однако, никакой резолюции на письмо М. В. Хруничева не наложил, и постановление принято не было.

М. К. Тихонравов на основе идеи «ракетного пакета», проведя расчеты, пришел в 1948 году к выводу о технической возможности вывода на орбиту искусственного спутника Земли на достигнутой технологической базе.¹ В июле 1949 года с основными материалами по ракетному пакету был ознакомлен С. П. Королев. В марте 1950 года М. К. Тихонравов сделал на научной конференции публичный доклад, в котором затронул перспективу создания ИСЗ вплоть до полета на нем человека. Идею создания ИСЗ С. П. Королев доложил 16 марта 1954 года на совещании у академика М. В. Келдыша. Тот в свою очередь получил одобрение этого предложения у президента Академии наук СССР А. Н. Несмеянова. 27 мая 1954 года С. П. Королев обратился к министру вооружения Д. Ф. Устинову с докладной запиской «Об искусственном спутнике Земли», подготовленной М. К. Тихонравовым. В августе 1954 года Совет Министров СССР утвердил предложения по проработке научно-теоретических вопросов, связанных с космическим полетом.

Разрабатываемые проекты были этапом военных ракетных программ двух государств, а потому запуск Первого ИСЗ имел существенную особенность: рассматриваемый как военный ход, он мог существенно осложнить и без того непростые отношения СССР и США.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО США

К началу 50-х гг. как Соединенные Штаты, так и Советский Союз в значительной мере снизили свои боевые потенциалы по сравнению с высшим уровнем вооруженности к концу второй мировой войны. Но изменилось качество вооружения: США стали первыми обладателями атомной бомбы в 1945 году, СССР получил ее только в 1949 году, но к тому времени у США был уже некоторый атомный арсенал. Советскому Союзу потребовалось еще несколько лет, чтобы тоже приобрести атомный запас, достаточный для ведения войны. Но у него не было дальних бомбардировщиков, способных долететь до Соединенных Штатов, американцы же были в состоянии бомбить Советский Союз и нанести ему серьезный ущерб. Когда у СССР и США появилось термоядерное оружие, масштабы ущерба, который обе страны могли нанести друг другу, стали ужасающе огромными.

¹ См.: 4-й Центральный научно-исследовательский институт 1946–1996. Исторический очерк. – М., МО РФ, 1996, с. 18.

25 июня 1950 года стало началом корейской войны, когда КНДР попыталась силой добиться присоединения Южной Кореи, поддерживаемой Соединенными Штатами. Когда северяне взяли Сеул, США осуществили военное вмешательство, через десять дней получив правовое основание для этого в виде резолюции ООН. Осенью США, повернув ситуацию, глубоко вторглись на территорию КНДР, выйдя за рамки мандата ООН. 25 октября 1950 года в войну вступила КНР с целью спасти своих северокорейских союзников, и 4 января 1951 года Сеул снова был взят. Президент Трумэн ввел на территории США чрезвычайное положение, а главнокомандующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке Д. Макартур без санкции из Вашингтона сделал по радио ультимативное заявление в адрес КНР, в котором угрожал применить против нее ядерное оружие, если наступление китайских войск в Корею не прекратится. Советский Союз был связан с Китаем договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1950 года. Ситуация была близка к ядерной войне.

В сочетании с предшествующими серьезными инцидентами зарождавшейся холодной войны (приход к власти коммунистов в Чехословакии, блокада Берлина в 1948 г. и др.) корейская война дала толчок к принятию огромной американской программы перевооружения.

15 января 1953 года в выступлении перед сенатской комиссией по иностранным делам Конгресса США Джон Фостер Даллес заявил о намерении заменить политику сдерживания на «более динамичную». Так появилась внешнеполитическая концепция «отбрасывания коммунизма» (roll-back of Communism). На ней основывалась военная доктрина «массированного возмездия» (mass retaliation), провозглашенная Дж. Ф. Даллесом в его выступлении в нью-йоркском Совете по международным отношениям 12 января 1954 года. Дж. Ф. Даллес заявил, что на любое следующее нападение коммунистов на страны «свободного мира» Соединенные Штаты ответят как им заблагорассудится и где им заблагорассудится: «Отвечать немедленно, немедленно по нашему собственному усмотрению» (retaliate instantly, instantly and by means of our choosing)¹. Под этим подразумевалось, что Соединенные Штаты будут считать себя вправе нанести удар с помощью ядерного оружия непосредственно по СССР.

Угроза была вполне убедительна, поскольку Соединенные Штаты накопили достаточно большой запас ядерного оружия и располагали межконтинентальной бомбардировочной авиацией для его доставки. Учитыва-

¹ Цит. по: Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918–2003. Отв. ред. А. Д. Богатуров. Том третий. События. 1945–2003. – М., Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2003, с. 177.

вая решающее преимущество США в средствах доставки, можно говорить о том времени как о периоде американского *стратегического господства*.

По признанию даже некоторых американских авторов, советские руководители проводили чрезвычайно осторожную и, в общем, не провокационную внешнюю политику.¹ Так, например, Москва не желала участвовать в корейской войне, рассчитывая обеспечить участие в ней Китая. В СССР сомневались в боеспособности армии КНДР и одновременно полагали, что вступление КНР в войну осложнит отношения между Пекином и Вашингтоном.² И тем не менее симпатии к СССР сменились негативным имиджем сильного и опасного государства, с которым невозможно сотрудничество, но лишь соперничество.

Советский Союз, со своей стороны, предпринял значительные усилия в области перевооружения, что являлось ответом на аналогичные мероприятия Соединенных Штатов. Помимо шагов по созданию дальней стратегической авиации, главное внимание СССР уделял развитию ракетной техники.

Для запуска мощных ракет и спутника было недостаточно полигона Капустин Яр (Астраханская область), поэтому был поставлен вопрос о создании нового полигона (док. № 5), и 12 февраля 1955 г. Президиум ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли соответствующие постановления о создании нового испытательного полигона для Министерства обороны, получившего впоследствии открытое наименование космодром Байконур (док. №№ 6 и 7). 29 апреля ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли дополнительно совместное постановление, детализировавшее мероприятия по обеспечению строительства этого полигона (док. № 9).

В целях секретности объекта было начато строительство мнимого космодрома. На северных отрогах хребта Алатау в Казахстане есть поселок Байконур. Во всех сообщениях советской печати о запусках спутников местом запуска указывали Байконур. Постепенно это название стало ассоциироваться с космодромом. Хотя настоящий космодром имел кодовое название «Тайга», а жилой город – официальное имя Ленинск.

Строительство полигона велось ударными темпами. К началу 1957 года были готовы стартовая (площадка 1) и техническая (площадка 2) позиции, позволившие приступить к испытаниям первой в мире межконтинентальной баллистической ракеты Р-7 главного конструктора С. П. Королева. Успешный запуск этой ракеты 21 августа 1957 г. позволил начать подготовку первого искусственного спутника Земли. Спутник (Satellite), то есть летательный аппарат, способный совершать орбитальный полет вокруг Земли, служил одним из самых надежных

¹ См., например: Russett B., Starr H. World Politics. Menu for Choice. – San Francisco, W. Freeman and C, 1981.

² См.: Системная история международных отношений, с. 148.

индикаторов, указывавших на наличие у страны межконтинентальных баллистических ракет. Поэтому будущий спутник являлся не только объектом разведывательных устремлений спецслужб обеих стран, но и знаменательным рубежом, означавшим выход соперничества, в том числе и военного, на космический уровень.

СВОБОДА КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА?

В начале 50-х годов XX века США были особенно озабочены получением разведывательной информации о военно-техническом развитии Советского Союза. Полеты разведывательных самолетов вдоль границ СССР давали недостаточно сведений, и встал вопрос о типах летательных аппаратов, которые могли бы осуществлять наблюдение всей территории страны. Участники этих обсуждений предупреждали, что решение о «вторжении» в пространство над советской территорией и нарушении государственного суверенитета потребует «утверждения политическими властями на высшем уровне».¹ Даже проникновение беспилотных летательных аппаратов в воздушное пространство другого государства представляло собой очевидное нарушение международного права.

Поэтому в этот период США активно искали международно-правовую основу для запуска и эксплуатации спутников-шпионов. Президенту Д. Эйзенхауэру требовалось найти мирный предлог для пролетов американских спутников-шпионов над советской территорией. Еще 28 марта 1955 года Совет национальной безопасности США рекомендовал доложить президенту о целесообразности введения принципа «свободы космического пространства» (Freedom of Space) для того, чтобы «при запуске на орбиту малых искусственных спутников создать прецедент для разграничения «национального воздушного пространства» и «международного космического пространства», что могло бы создать нам преимущества в будущем, когда мы будем в состоянии эксплуатировать разведывательные спутники больших размеров».² Аргумент был прост: принятием политики, благоприятствующей правовому режиму космического пространства, аналогичному тому, что установлен для открытого моря, Соединенные Штаты могли бы создать прецедент «свободы космического пространства» – свободного и законного облета различных стран космическими аппаратами США. Но поразительно, что такая мощная держава, как США, в разгар холодной войны думала о международно-правовых основаниях для очередных своих политических

¹ ExUn-I, p. 217.

² См.: Exploring the Unknown. Selected Documents in the History of the U.S. Civil Space Program. Vol.II: External Relationships. – Washington D.C., NASA, 1996 (далее ExUn-II), p. 273.

шагов. Стоит также заметить, что Соединенные Штаты полвека назад в этом отношении отличаются от Соединенных Штатов сегодня.

20 мая 1955 года Совет национальной безопасности США утвердил документ высокого уровня, касающийся политики в отношении американской спутниковой программы (NSC 5520), в котором, в частности, говорилось:

«...Разведывательные приложения требуют безотлагательной программы создания и запуска малого спутника на орбиту вокруг Земли, а в связи с этим следовало бы провести повторное изучение принципов и практики международного права применительно к свободе космического пространства с позиции новых достижений технологии вооружений... Более того, малый научный спутник обеспечит проверку принципа «свободы космического пространства». Существо и смысл этого принципа изучается исполнительной ветвью власти. Однако предварительный анализ показывает, что со стороны международного права нет никаких препятствий для запуска такого спутника».¹

Политические круги в Вашингтоне были серьезно озабочены принципом «свободы космического пространства», правовые последствия введения которого изучались и государственным департаментом, и другими ведомствами.

Между тем в Советском Союзе о международно-правовых основах освоения космоса пока не задумывались: до первых публикаций на эту тему в СССР оставался еще год-другой.² На первом месте оставалась политика.

21 июля 1955 года, когда новый американский разведывательный самолет У-2 (U-2) только совершал первые испытательные полеты в штате Невада, на встрече на высшем уровне в Женеве президент США Дуайт Д. Эйзенхауэр в неофициальном дополнении к плану мер по разоруже-

¹ Цит. по: ExUn-II, p. 241.

² Если быть точным, первые идеи будущего космического права были высказаны в Советском Союзе еще на рубеже 20–30-х годов XX века, но то было лишь предвосхищение космонавтики и будущих ее правовых проблем, высказанных наиболее проникательными учеными. В 1926 году В. А. Зарзар на заседании секции воздушного права Союза Авиавим предположил, что в будущем на определенной высоте будет установлен международный режим космических полетов, который заменит режим государственного суверенитета в воздушном пространстве. Он утверждал, что за пределами земного воздушного пространства действует режим свободного от земной юрисдикции полета космических кораблей (Зарзар В. А. Международное публичное воздушное право. — В сб.: Вопросы воздушного права. Сб. трудов секции воздушного права Союза Авиавим. — М., Союз обществ дружбы авиационной и химической обороны и промышленности. Том 1, 1927, с. 90–103). В 1933 году в Ленинграде на совещании юристов, специалистов по воздушному праву, Е. А. Коровин выступил с докладом «Завоевание атмосферы и воздушное право». Автор говорил о праве государства принимать меры защиты своей безопасности независимо от высоты полетов над его территорией. Доклад был опубликован в 1934 году во французском журнале по международному праву (см. подробнее: Международное космическое право. Под ред. Г. П. Жукова и Ю. М. Колосова. — М., «Международные отношения», 1999, с. 18–19).

нию предложил советским руководителям — Председателю Совету Министров Н. Булганину и Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву — в целях снижения опасности внезапной ядерной атаки проводить взаимные санкционированные разведывательные полеты с разрешенной аэрофотосъемкой. В тот же день, после обсуждения с советниками, Н. Булганин и Н. С. Хрущев отклонили это предложение, известное сегодня как «доктрина открытого неба»¹, как очевидную попытку США собирать развединформацию.

«Мы знали, что Советы не примут это предложение, — признавался позднее в одном из интервью Эйзенхауэр, — но мы посмотрели на них и подумали, что это хороший ход».²

СПУТНИК

Вернувшись из Женевы в Соединенные Штаты, президент Эйзенхауэр встретился 27 июля с директором Национального научного фонда Уотерманом (*Waterman*), помощником министра обороны Куорлзом и заместителем государственного секретаря Гувером (*Hoover*), чтобы обсудить, как лучше объявить о существовании американской программы космических спутников.

Примечательно, что специальный доклад для президента Г. Трумэна «О проблеме искусственного спутника Земли» был подготовлен еще в 1952 году,³ причем президент подробно обсуждал его со своим личным научным консультантом, физиком, бригадным генералом Уоллесом Грэхэмом (*Wallace Graham*). Грэхэм познакомил Трумэна с инженером-химиком Аристидом Гроссом (*Aristid Grosse*), работавшим в рамках «Манхэттенского проекта» (*Manhattan Project*) создания атомной бомбы. Президент Трумэн поручил Гроссу изучить глубже проблему спутника. Выполняя указание президента, генерал-майор Кеннет Николс (*Kenneth Nichols*), бывший заместитель генерал-лейтенанта Лесли Гровса (*Leslie Groves*), возглавлявшего Манхэттенский проект, организовал встречу Гросса с учеными, работавшими в области исследования космоса, а также Вернером фон Брауном. Гросс

¹ Договор по открытому небу будет подписан только 24 марта 1992 года в Хельсинки. В соответствии с ним каждое государство-участник имеет право проводить наблюдательные полеты над территорией любого другого государства-участника в количестве, равном числу наблюдательных полетов, которое это другое государство-участник имеет право проводить над ним.

² Цит. по: ExUn-I, p. 222–223.

³ В Советском Союзе аналогичный доклад о спутнике для высшего государственного руководства был сделан в 1955 году (док. № 10).

выполнил задание Трумэна, но докладывать о выполненной работе ему пришлось уже президенту Эйзенхауэру 24 сентября 1953 года.¹

В конце концов президент Эйзенхауэр принял решение о запуске научного спутника в качестве части американского вклада в проведение Международного геофизического года (МГГ) – совместной программе ученых 67 стран с 1 июля 1957 года по 31 октября 1958 года, опираясь на резолюцию, призывающую приступить к запуску искусственных спутников во время МГГ, чтобы помочь картографированию Земли, которую еще в октябре 1954 года принял Международный совет научных союзов. Было сформулировано заявление, которое после его визирования руководством Конгресса огласил пресс-секретарь Белого дома:

«29 июля 1955 г.

Белый дом

Заявление Джеймса К. Хагерти (James C. Hagerty)

От имени Президента я объявляю, что Президент утвердил план нашей страны приступить к запускам малых беспилотных спутников на земную орбиту в рамках участия Соединенных Штатов в программе Международного геофизического года, который будет проводиться с июля 1957 по декабрь 1958 года. Эта программа впервые в истории даст возможность ученым всего мира осуществлять регулярные наблюдения за пределами земной атмосферы.

Президент выразил свое личное удовлетворение тем, что американская программа обеспечит ученым всех стран эту важную и уникальную для развития науки возможность.²

В заявлении не было даже намека на какие-либо иные, помимо научных, цели программы. Чтобы избежать международных дискуссий по поводу свободы космического пространства администрация президента Эйзенхауэра в тот период запретила правительственным чиновникам какие бы то ни было публичные обсуждения космических полетов.³ В СССР аналогичный запрет обуславливался соображениями секретности.

В начале августа 1955 года М. Хруничев, В. Рябиков и С. Королев направляют первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву и председателю Совета Министров СССР Н. А. Булганину записку в связи с заявлением американцев о планах запуска спутника. И уже 8 августа 1955 года на заседании Президиума ЦК КПСС было принято решение «О создании искусственного спутника Земли» (док. № 11). Был даже подготовлен

проект сообщения ТАСС (более чем за два года до его запуска!) о создании искусственного спутника Земли (док. № 12).

4 июля 1956 года академик И. П. Бардин направляет Н. С. Хрущеву записку о необходимости сформулировать позицию советских представителей на совещании международного специального комитета по проведению Международного геофизического года. После сообщения академика Л. И. Седова на пресс-конференции в Копенгагене в 1955 году у Советского Союза неоднократно запрашивали в рамках МГГ его спутниковую программу. Не имея соответствующих полномочий, советские представители, участвовавшие в совещаниях спецкомитета МГГ, уклонялись от ответа на эти запросы, что встречалось с недоумением и только вызывало все новые и новые вопросы. 24 августа Президиум ЦК КПСС решил эту проблему.

Но более важными были вопросы технические, и они не оставались без внимания руководства страны (док. № 15).

КОСМИЧЕСКАЯ ИГРА С НУЛЕВОЙ СУММОЙ

Роберт Макнамара (Robert McNamara), видный американский государственный деятель, министр обороны в администрациях Кеннеди и Джонсона, в небольшом сборнике своих лекций «От ошибок к катастрофе: как выжить в первый век ядерной эры»¹ постоянно проводит мысль о том, что вся существовавшая терминология гонки вооружений не представляла иной интерпретации развития событий: Соединенные Штаты либо впереди, либо позади, то есть «выигравшие» или «проигравшие». По сути, это мышление характерно для игры с нулевой суммой (zero sum game), в которой каждый выигрыш одной стороны означает проигрыш другой и наоборот.²

Академик Б. В. Раушенбах, не политик, а один из крупнейших специалистов космической отрасли, называл этот процесс более мягко – «спортивно-романтическим». Он вспоминал: «Спортивный характер процесса имел две стороны. Во-первых, все мы, работавшие в области создания космических аппаратов, испытывали эмоции, близкие спортсменам, – прийти первыми к финишу. Ведь одновременно нечто похожее делалось в США, и всем нам хотелось не пропустить вперед наших американских коллег. Это было совершенно искреннее чувство сорев-

¹ См.: McNamara R. Blundering into Disaster. Surviving the first century of the nuclear age. – New York, Pantheon Books, 1986.

² Согласно теории фон Неймана и Моргенштерна каждая конечная игра с нулевой суммой имеет решение. Другими словами, может быть доказана теорема: «Существует стратегия, обеспечивающая выигрыш стране А, или существует стратегия, обеспечивающая выигрыш стране В». (Саати Т. С. Математические модели конфликтных ситуаций. – М., «Советское радио», 1977, с. 131.

¹ Доклад был подан через Доналда Куорлза (Donald Quarles), нового помощника министра обороны по научно-техническим исследованиям (ExUn-I, p. 266–269).

² ExUn-I, p. 200–201.

³ ExUn-I, p. 224.

новательности. Во-вторых, результаты соревнования имели и политическое значение: в случае успеха руководство страны могло пользоваться завоеванным интернациональным престижем и поэтому щедро помогало нам. Романтический характер придавало нашей деятельности то, что все делалось впервые. Ничего не было известно, отсутствовал какой-либо предшествующий опыт, и мы чувствовали себя мореплавателями времен Колумба, отправившимися открывать новые земли».¹

Такой спортивно-романтический взгляд на происшедшее действительно был характерен для научно-технических руководителей и инженерного состава обеих стран. Томас Саати, подтверждая, что спортивный дух действительно является реальным фактором международной политики, тем не менее предупреждает об оборотной стороне спортивно-соревновательного мышления, которое может обернуться серьезной опасностью: «В странах, где игры (в частности, спортивные) находятся в большом почете, развивается отношение к жизни как к соревнованию. Такие страны рассматривают свои взаимоотношения с соседями как соревнование и обычно с симпатией относятся к тем, кто стремится дать им возможность проявить свой спортивный дух, и стараются сотрудничать с ними. Такое отношение необходимо отличать от агрессивности. Народ, который не делает различия между соревнованием и агрессией, может их путать. В этом случае повышенная склонность к соревнованиям со стороны другого народа может быть истолкована как агрессия».² В реальности ситуация сложнее: «народы» не являются простыми, однородными по структуре «игроками» на мировой арене, там действует политическое руководство государства (также неоднородное), различные профессиональные группы со своими интересами, общественные движения и т. п. Поэтому и оказалось, что технические специалисты, у которых состязательность не порождала агрессивности, значительно легче находили контакт друг с другом и шли на сотрудничество, чем политики и военные, чьи геополитические стратегии и стремления к превентивным ударам не могли быть интерпретированы противостоящей стороной иначе как потенциальная агрессия.

Для политического руководства и СССР, и США в космической гонке не было и тени романтики: лишь жесткий расчет в духе игры с нулевой суммой и обвинения другой стороны в агрессивности. Нельзя сказать, что разработчики космической техники не понимали этого. «Почему советский спутник оказался первым в космосе? — объясняет Б. В. Раушенбах. — Да потому что у американцев были базы в Европе для военно-воздушных сил. Они могли бомбить Москву с европейских баз обычными самолетами. А мы не могли ответить Америке ни-

как... У нас был огромный стимул. Единственная возможность ответить американцам на удар по Москве — это ответный удар по Вашингтону и Нью-Йорку... Это все у нас понимали... И запуск первого спутника, который мы провели в спешном порядке, имел целью вовсе не изучение космоса. Главное было — показать американцам, что мы их можем накрыть. И они это поняли. Раз мы можем запускать спутники, значит, любой город Америки может быть, увы, поражен... Я считаю, что это очень сильно способствовало сохранению мира».¹

Таким образом, космическая гонка имела два вектора — политический и технический. Политический вектор был направлен на политическую и военную победу (задача-максимум) или на то, чтобы избежать поражения (задача-минимум). Технический вектор академик Б. В. Раушенбах описывает следующим образом: «...Соревнование это было и политическое, но нам было не до политики, нас интересовало соревнование разработчиков. У них мыслили разработчики, и у нас они мыслили, и вот, не вступая в прямой контакт, мы изредка обменивались информацией на ученых конференциях и при этом старались — и они, и мы — все-таки обойти друг друга. Очень увлекательно. И до сих пор увлекает. Не потому, что у них одно правительство, а у нас другое, тогда и у них принимали решения, и у нас ЦК требовало «животы положить» на алтарь Отечества. То был спортивный интерес: всегда приятно кого-то обставлять».²

При всем различии стиля мышления и мотивов политического руководства (получение военного преимущества) и лидеров космической отрасли («приятно кого-то обставлять») два вектора оказались близко-направленными, поэтому их сумма давала сильный импульс для политико-технической космической гонки.³

Американцы неоднократно высказывались, в одном опросе за другим, что проигрывать не собираются — советского превосходства они не потерпят. Политики отражали это доминирующее мнение. До 1957 года

¹ Раушенбах Б. В., Бернгардт Э. Г. Штрихи к судьбе народа. Кн. II. — М., Общественная академия наук российских немцев, 2000, с. 164–165.

² Раушенбах Б. В. Постскриптум. — М., «АГРАФ», 2001, с. 142.

³ А. А. Сиддики выделяет даже четыре заинтересованные профессиональные группы, вовлеченные в советскую ракетно-космическую программу: инженеры, артиллерийские офицеры, «оборонка» и компартия. «Инженеров вели идеалистические мечты об исследовании космоса... Артиллеристам было нужно новое поколение стратегического оружия... Перед «оборонкой» стояла задача развития военной мощи страны. А партийные лидеры, в частности Сталин и Хрущев, были ведомы политической логикой холодной войны... Каждая группа имела свои интересы, но за период в полтора десятилетия после окончания войны их мотивации так пересеклись в критических точках, что позволили осуществить первую в мире космическую программу» (Siddiqi A. A. Challenge to Apollo: The Soviet Union and the Space Race, 1945–1974. — Washington D.C., NASA History Division Office of Policy and Plans, 2000, p. 855). Конечно, наше двумерное представление — упрощение, но оно и сделано именно для простоты анализа. На самом деле политико-профессиональная структура советской космической отрасли куда более сложна, чем пишет А. А. Сиддики.

¹ Раушенбах Б. Пристрастие. — М., «АГРАФ», 1997, с. 376.

² Саати Т. С., указ. раб., с. 208–209.

США всегда были впереди: сначала в создании атомной бомбы, затем в дальних бомбардировщиках, потом — водородная бомба.

И вот теперь дело дошло до спутника. В США не сомневались, что окажутся первыми, как обычно, но специалисты внимательно следили за СССР.

5 июля 1957 года директор Центрального разведывательного управления США Аллен Даллес направил заместителю министра обороны Куорлзу разведывательную оценку, в которой говорилось:

«...Информация, касающаяся времени запуска первого советского искусственного спутника Земли, отрывочна, и наши специалисты полагают, что ее пока еще недостаточно для утверждения с высокой вероятностью, когда именно спутник будет запущен.

Однако недавно получены данные, что Александр Несмеянов, Президент советской Академии наук, утверждал, что «скоро, буквально в предстоящие несколько месяцев, Земля приобретет второй спутник». Другая информация, не столь точная, указывает, что СССР, вероятно, способен запустить спутник в 1957 году и, возможно, готовится сделать это в рамках МГГ.. Разведывательное сообщество США оценивает, что в целях престижа и ввиду психологических факторов СССР будет стремиться стать первым в запуске спутника Земли... Русские любят театральность и могли бы выбрать день рождения Циолковского, чтобы осуществить такую операцию, особенно учитывая столетие со дня его рождения...»¹

Американцы точно назвали один из политико-психологических факторов — стремление быть первыми. Еще 25 сентября 1955 года в Московском высшем техническом училище им. Баумана открылась юбилейная сессия, посвященная 125-летию училища. Выпускник МВТУ, главный конструктор и член-корреспондент АН СССР С. П. Королев, выступая с докладом, сказал:

«Наши задачи заключаются в том, чтобы советские ракеты летали выше и раньше, чем это будет сделано где-либо еще.

Наши задачи состоят в том, чтобы советский человек первым совершил полет на ракете...

Наши задачи состоят в том, чтобы первый искусственный спутник Земли был советским, создан советскими людьми».²

Впрочем, ничего плохого в этом нет. Подобные подходы существовали и в США: специальный помощник президента Н. Рокфеллер убеждал Д. Эйзенхауэра в том, что для США проигрыш в космической гонке недопустим. Именно космическая гонка была в то время доминирующей формой взаимоотношений в космосе между СССР и США. Политика соперничества определяла если не все, то очень многое.

¹ ExUn-I, p. 329.

² Цит. по: Королева Н. Отец. В двух книгах. Книга вторая. — М., «Наука», 2002, с. 274–275.

нирующей формой взаимоотношений в космосе между СССР и США. Политика соперничества определяла если не все, то очень многое.

А 17 сентября 1957 года, в день столетия со дня рождения К. Э. Циолковского, который американская разведка называла вероятным днем запуска спутника, С. П. Королев, выступая в Колонном зале Дома союзов с докладом, посвященным ученому, произнес одну знаменательную фразу: «В ближайшее время с научными целями в СССР и США будут произведены первые пробные пуски искусственных спутников Земли».¹ Он уже знал, что советский спутник будет запущен 6 октября. Но случилось так, что С. П. Королев без всякого согласования с политическим руководством в Москве, своей властью прямо на Байконуре сдвинул сроки пуска. Я. К. Голованов со ссылкой на космонавта Г. М. Гречко и некоторых испытателей, работавших на космодроме, рассказывает:

«Причиной тому был листок экспресс-информации, в котором говорилось, что на совещании по координации запусков ракет и спутников, которое происходило в Вашингтоне по линии МГГ, на 6 октября назначен американский доклад «Спутник над планетой». Что это значит? Королев встревожился. Может быть, просто доклад, один из многих на эту тему. А может быть, констатация факта! Он звонил в КГБ. Ему сказали, что никаких сведений о том, что американцы запустят на днях спутник, нет. Королев знал, что запуск американского спутника планируется примерно на март 1958 года. Но вдруг! Ведь в одном из своих выступлений — Королев читал их внимательнейшим образом — Джон Хаген, руководитель проекта «Авангард», заявил как-то неопределенно: «Быть может, мы предпримем испытания до исхода этого года...» Сейчас, когда счет шел на дни, даже на часы, сама мысль о том, что его могут опередить, была для Королева невыносима. И несмотря на то что работы шли по очень напряженному графику, Главный принимает решение: сдвинуть его на два дня, провести пуск не 6 октября, как намечалось, а 4 октября».² В тот же день мир узнал, что Советский Союз запустил Первый искусственный спутник Земли, начав отсчет космической эры.

КОСМИЧЕСКАЯ ЭРА НАЧАЛАСЬ

Первые 24 часа после сообщения о советском спутнике обстановка в Белом доме была совершенно спокойной, пока не стала известна общественная реакция на это событие, свидетельствует один из помощников президента Эйзенхауэра генерал Эндрю Гудпастер (Andrew Goodpaster).³ Тогда вспомнили, что Эйзенхауэра много раз предупреж-

¹ Там же, с. 282.

² Голованов Я. Королев. Факты и мифы. — М., «Наука», 1994, с. 537–538.

³ ExUn-II, p. 245.

дали о пропагандистском значении запуска спутника, но он каждый раз отмахивался. Президент попытался приглушить эффект спутника, но без успеха. Он также призвал своих сотрудников не комментировать запуск спутника и тем более не отвечать на вопрос, могут ли США превзойти Советов в космосе. Более всего он не хотел интерпретации начинающегося освоения космоса как космической гонки.¹

Эйзенхауэра более всего в те дни интересовали международно-правовые аспекты полета первого искусственного космического объекта. Спутник делал виток за витком, пролетая над территорией многих стран. США внимательно следили за их реакцией. Дипломатических демаршей и протестов в мире почти не последовало. Четыре дня спустя после запуска спутника, Эйзенхауэр решил обсудить этот примечательный факт с группой своих советников и высших чиновников. «Русские ненамеренно создали для нас хорошую ситуацию для утверждения принципа свободы космического пространства, — сказал заместитель министра обороны Куорлз. — Президент тогда попросил собравшихся заглянуть лет на пять в будущее и спросил о разведывательном аппарате. Куорлз сказал, что у военно-воздушных сил есть исследовательский проект в этой области, и в общем виде описал его».²

Первый советский спутник позволил впервые измерить плотность верхних слоев атмосферы, получить данные о распространении радиосигналов в ионосфере, отработать вопросы выведения на орбиту, тепловой режим и решить другие технические проблемы. Но политический эффект спутника оказался куда более важен. Запуск вызвал небывалый международный резонанс. Буквально за один день международный статус СССР неимоверно вырос.

Одним из следствий запуска спутника было и то, что в Соединенных Штатах всерьез задумались о привлечении ученых к формированию государственной политики на высшем уровне. Глава государства учредил должность специального помощника президента по вопросам науки и техники и перевел консультативный комитет по науке в непосредственное подчинение Белому дому. В целом США оставались спокойны и полагали, что уступка инициативы дает им некоторые стратегические преимущества.

В СССР государственное решение о запуске второго ИСЗ было принято через восемь дней, 12 октября 1957 года. Второй советский спутник был создан практически вне всякого плана, по личной просьбе Н. С. Хрущева, желавшего увеличить политический успех, который принес пер-

вый спутник. Один из его создателей, видный ученый и конструктор ракетно-космической техники академик Б. Е. Черток вспоминал: «Второй простейший спутник был создан без всякого предварительного или другого проекта. Были отменены все каноны, действовавшие при разработке ракетной техники. Проектанты, конструкторы переместились в цеха. Почти все детали изготавливались по эскизам, сборка шла не столько по документам, сколько по указаниям конструкторов и путем подгонки по месту».¹ Спешка привела к серьезным техническим проблемам.² Но Советский Союз добился своих внешнеполитических целей: 3 ноября 1957 года в СССР был запущен второй ИСЗ — биологический спутник с собакой Лайкой на борту. Соединенные Штаты ответили запуском своего первого спутника лишь через три месяца.

После краткого шока, который американцы испытали в 1957 году, когда СССР стал первой страной, запустившей искусственный спутник на орбиту вокруг Земли, Соединенные Штаты стали работать над космической программой еще напряженнее. Форсированно разрабатывались и развертывались американские межконтинентальные баллистические ракеты. Да и в гражданской сфере учрежденное в 1958 году Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) начало свою деятельность с оппозиции идее сотрудничества. Впрочем, во многом это объяснялось финансовыми соображениями: бюджет этой организации был тем выше, чем сильнее космическая гонка.

20 июня 1958 года Совет национальной безопасности США утвердил «Космическую политику США» (NSC 5814), в которой, в частности, говорилось:

«В ближайшем и предвидимом будущем Соединенные Штаты окажутся перед лицом следующих очевидных фактов:

(1) СССР превзошел Соединенные Штаты и свободный мир в научных и технических достижениях при освоении космического пространства, которые поразили и восхитили мир;

(2) СССР, если он сохранит достигнутое преимущество в освоении космического пространства, будет способен использовать свое превосходство как средство подрыва престижа и лидерства Соединенных Штатов;

(3) СССР, если бы он первым достиг значительного военного преимущества в космосе, мог бы изменить баланс сил в пользу Китайско-Советского блока и стать прямой военной угрозой безопасности Соединенных Штатов.

¹ Черток Б. Е. Ракеты и люди. Фили — Подлипки — Тюратам. — М.: «Машиностроение», 1996, с. 198.

² См.: Жук Е. И. Пилотируемая космонавтика в интересах национальной и коллективной безопасности (Политический аспект). — Звездный городок, 2003, с. 172.

¹ Ibid, p. 246.

² Exploring the Unknown. Selected Documents in the History of the U.S. Civil Space Program. Volume IV: Accessing Space. — Lodgson J.M., Ed. With Williamson R. A., Launius R. D., Acker R. J., Garber S. J., Friedman J. L. — Washington D.C., NASA History Division Office of Policy and Plans, 1999, p. 52.

Безопасность Соединенных Штатов требует, чтобы мы встретили эти вызовы изобретательно и энергично».¹

Далее в документе подробно намечались направления космической деятельности — научно-технические, разведывательные, военные, в области пилотируемых полетов, а также политические и правовые, включая международное сотрудничество.

Международное сотрудничество в некоторых областях космической деятельности признавалось весьма желательным как с научной, так и с политической точки зрения, а в некоторых сферах — важными и с военной точки зрения для США и их союзников. Соглашения по международной космической кооперации, в которых участвовали бы Соединенные Штаты, призваны были укрепить роль США как лидера и помочь сэкономить ресурсы. Для этого, в частности, предлагалось «установить интересы ООН в космической кооперации, но не поощрять активно действия ООН по установлению постоянных организационных рамок для нее; в этих целях... создать в ООН планирующий комитет *ad hoc* для формулирования рекомендаций по содействию международному сотрудничеству и соответствующих организационных шагов в рамках ООН...».²

Вскоре после запуска первого ИСЗ Советский Союз внес на обсуждение XIII сессии Генеральной Ассамблеи ООН предложение о разработке международных соглашений, направленных на научное сотрудничество в области исследования и использования космического пространства.

В письме Н. Булганину от 13 января 1958 года президент США писал: «...Мы согласны с тем, что космическое пространство будет использоваться только в мирных целях» и спрашивал: «Можем ли мы позволить себе не остановить производство такого оружия, которое использовалось бы или, точнее говоря, которым можно было бы злоупотребить в космосе?..»³ В своем последнем письме Булганину, датированном 15 февраля 1958 года, Эйзенхауэр предложил «полностью исключить новейшие типы оружия, которые использовали бы космическое пространство для уничтожения человечества».⁴

В ответ СССР предложил поставить в повестку дня следующей сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1958 года в пакете вопрос о запрещении использования космического пространства в военных целях, выводе иностранных военных баз с территорий третьих стран и международное сотрудничество в исследовании космического пространства.

¹ Цит. по: ExUn-I, p. 345.

² ExUn-I, p. 355.

³ Цит. по: ExUn-I, p. 350.

⁴ Ibid.

Признание того, что в процессе космической деятельности возникают международные правоотношения, содержалось уже в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1348 (XIII) от 13 декабря 1958 года. В ней отмечалась общая заинтересованность человечества в космическом пространстве и необходимость обсуждения в рамках ООН характера правовых проблем, которые могут возникнуть при проведении программ исследований космического пространства.¹

Возникшие проблемы требовали системного подхода, и Национальный Совет по авиации и космосу 26 января 1960 года принял соответствующий концептуальный документ «Предварительная космическая политика США». В нем подчеркивалась огромная важность космической деятельности для национальных интересов США и необходимость связать ее с другими программами национальной безопасности США. В число приоритетов вошла пилотируемая космонавтика, которой был посвящен самостоятельный раздел. В «Предварительной космической политике», в частности, говорилось:

«23. Изначальная проблема, в решении которой заинтересованы все государства, — допустимость тех или иных видов космической деятельности. В отношении этой проблемы доклад ООН, подготовленный *Ad Hoc* Комитетом по мирному использованию космического пространства, выражает следующую точку зрения, которую США поддерживают:

“В течение Международного геофизического года 1957–1958 гг. и в последующем ряд стран мира, исходя из предпосылки допустимости запуска и полета космических аппаратов, запустили их безотносительно к тому, территории каких стран они пересекали, пролетая по своей траектории в космосе. Комитет, имея в виду что все используемые понятия относятся исключительно к мирному использованию космоса, полагает, что с помощью указанной практики может быть начат процесс признания или установления общепринятого правила, которое надо ввести в действие, что, в принципе, космос используется всеми на основе равенства, свободы исследования и в соответствии с действующим или будущим международным правом и соглашениями”».²

Совет Министров СССР 10 марта 1960 года принял постановление «Об участии СССР в международных организациях по мирному использованию космического пространства» (док. № 24), в котором Министерству иностранных дел СССР совместно с рядом других ведомств поручалась подготовка директивных указаний представителям СССР в Комитете ООН по мирному использованию космического пространства. С тех пор и в Советском Союзе международная космическая деятельность принимает системный характер.

¹ См. подробнее: Анненков В. И., Собко А. А. Военный космос: аспекты разоружения. — М., «Научная книга», 2001, с. 87–93.

² Цит. по: ExUn-I, p. 365–367.